

ников, что не раздражался на них, но только иногда удивлялся и недоумевал проявляемой ими грубости. Своих друзей он всегда ценил выше себя и стремился выразить им свою признательность. Он

помогал всем, кто к нему обращался за советом или за сведениями, не скрывал своих наблюдений, был доброжелателен до конца.

Д. С. Лизачев

Т. Г. Цявловская. РИСУНКИ ПУШКИНА

«Искусство», М., 1970, 167 стр.

Книгу Т. Г. Цявловской о рисунках Пушкина историк литературы прочтет с не меньшим увлечением, чем специалист в области изобразительного искусства.

В этой рецензии мы не будем касаться проблем графической манеры Пушкина. Дело художников и искусствоведов судить о том, верно ли «опознал» автор в рисунках Пушкина те или иные лица (их в книге «опознано» множество), или о том, прав ли автор, утверждая, что «стремительство» пушкинского рисунка роднит его «с эстетикой нашего века», с графикой Матисса и Пикассо (стр. 19). Мы остановимся лишь на историко-литературном значении книги. Отметим, кстати, что по сравнению с талантливыми монографиями на ту же тему А. М. Эфроса («Рисунки поэта» и «Пушкин — портретист»), которые заслуженно получают высокую оценку в рецензируемой книге (стр. 160), она — по нашему мнению — открывает больше возможностей для анализа творческой работы Пушкина и его взглядов на художественную деятельность русских и иностранных писателей.

Очень интересны намеченные в книге формы связи между рисунками Пушкина и характером его творческого процесса. Т. Г. Цявловская показывает, что Пушкин часто фиксировал в рисунке образы, еще не воплощенные в поэтическом слове (таковы некоторые зарисовки в черновике «Полтавы», стр. 21). Но это только один из типов бесконечного разнообразия связей рисунков Пушкина с его художественными произведениями. Иногда рисунок появлялся позже словесного отражения того же образа и как бы графически его подтверждал. Большое впечатление оставляют впервые воспроизведенные в книге рисунки Пушкина, изображающие птиц (стр. 15 и 17). В волнистых вихревых линиях этих рисунков, относящихся к 1828 и 1830 гг., живет огромная внутренняя свобода — та, которая воплотилась в слове еще в знаменитом «Узнике» (1822), где «орел молодой» символизировал незабываемое стремление к «воле» самого Пушкина, написавшего лучшие политические стихи декабристской эпохи. Есть и рисунки, демонстрирующие, какое чудо художественного преобразования мира происходило во многих произведениях Пушкина,

как далеко отходил он от внешности «оригинала», чтобы создать большое и глубокое эстетическое обобщение. Замечателен пушкинский рисунок, изображающий князя Н. Б. Юсупова (стр. 46). Перед нами («жалкая фигурка» «старичка с подкашивающимися ногами» (стр. 47). А в обращенном Пушкиным к тому же Юсупову послании «К вельможе» — в этой гениальной панораме великих и грозных исторических событий — вместо бессильного старичка возникает образ счастливого и беспечного эпикурейца, носителя самых праздничных черт культуры XVIII в., напоминающего римских вельмож, торжественно и гордо встречавших «свой закат»¹. По-видимому, Пушкин исходил в послании из яркой биографии Юсупова — путешественника и дипломата — и из внутренних качеств его натуры, а портрет Юсупова-старика в стихах он, в соответствии с общим художественным замыслом послания, не дал.

Портреты в рисунках Пушкина, изученные и очень часто впервые атрибутированные в книге, дают нам возможность полнее уяснить, как понимал Пушкин творчество того или иного писателя. Есть, правда, рисунки, которые запечатлевают лишь облик человека, а не поэта. Таков портрет «располневшего» Дельвига, очень далекий от его изящных греческих идилий (стр. 130). Но вот Вольтер, в портрете которого чувствуется пронизывающее всю деятельность великого просветителя напряженное и сильное внутреннее беспокойство (стр. 48). Этот портрет заставляет вспомнить слова из того же пушкинского послания «К вельможе» об интеллектуальной динамичности Вольтера, прах которого неоднократно переносили с места на место: «Вольтер..., Не успокоившись и в гробовом жилище, Донные странствует с кладбища на кладбище». Вот Грибоедов, портрет которого впервые атрибутирован автором (стр. 133). Сколько иронии, сарказма и тоски в его «кумешке! Как раз такое отношение к жизни мы находим в монологах Чацкого, задышающегося в барской Москве. Удиви-

¹ См. об этом послании и связанном с ним рисунке: Б л а г о й Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967, стр. 429 и др.